

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ И СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В УКРАИНЕ

Е.А. СТРЕЛЬНИК

СТРЕЛЬНИК Елена Александровна - кандидат социологических наук, доцент Полтавского национального технического университета имени Юрия Кондратюка (E-mail: elena.strelnik@gmail.com).

Аннотация. Анализируются противоречия между современными процессами индивидуализации семьи и дискурсами семьи, закрепленными в государственной неотрадиционалистской риторике. Отмечается, что семейная политика в Украине является преимущественно пронаталистской и мало влияет как на качество жизни семей с детьми, так и на решение проблемы баланса родительства и профессиональной занятости.

Ключевые слова: семья • неотрадиционализм • демография • низкая рождаемость • пронатализм • семейная политика

Начиная с середины 1960-х гг. происходит процесс трансформации брака и семьи, вызванный вторым демографическим переходом. Составляющими этого процесса являются: поздние браки и отложенное родительство, увеличение числа разводов, распространение незарегистрированных союзов; повышение уровня внебрачной рождаемости; появление феномена добровольной бездетности [Van de Kaa, 2003: 9-10]. Трансформация проявляется, во-первых, в дальнейшей автономизации брака, сексуальности и родительства, которые в доиндустриальных обществах образовывали строгую последовательность и единство, и, во-вторых, в деинституциализации семьи, вызванной общими процессами индивидуализации [Van de Kaa, 2002; Beck U., Beck-Gernsheim E., 2002; Гидденс, 2004; Lesthaeghe, Surkyn, 2004; Голод, 2008; Бауман, 2008].

За последние 20 лет в Украине также наметилась устойчивая тенденция индивидуализации семьи и плюрализации семейных практик: происходит постепенное повышение возраста вступления в брак и рождения первого (часто единственного) ребёнка; либерализируется общественное мнение в отношении незарегистрированных союзов на фоне постепенного увеличения их числа; растёт доля детей, рожденных вне зарегистрированного брака.

Целью статьи является анализ противоречий между современными процессами индивидуализации семьи и дискурсами семьи, закрепленными в государственной традиционалистской риторике, а также влияние этих противоречий на эффективность [стр. 97-98] семейной политики в Украине. Методом исследования является дискурс-анализ “Стратегии демографического развития Украины до 2015 г.” и “Государственной целевой программы поддержки семьи до 2016 г.”, а также вторичный анализ данных социально-демографических обследований, проведенных Институтом демографии и социальных исследований имени М.В. Птухи Национальной академии наук Украины в 2007-2010 гг.

Современная семья в Украине: реальность и государственная риторика. Выделим три основных процесса, характеризующих современную семью в Украине: деинституциализация брака; изменение моделей и практик родительства; переход от унифицированной к плюралистическим моделям семьи.

Деинституциализация брака проявляется в распространении юридически не оформленных форм союзов. Согласно данным социально-демографического обследования 2008 г., в незарегистрированных союзах проживает 12% супружеских пар [Сім'я та сімейні відносини..., 2009:117]. Незарегистрированные союзы и либеральное к ним отношение характерно для молодежи: среди опрошенных в возрасте 15-24 года каждый третий мужчина и каждая пятая женщина ответили, что проживают в незарегистрированном браке [Шлюб..., 2008: 97-98]. О динамике распространения таких браков свидетельствует статистика внебрачной рождаемости, отображающая преимущественно рождения в таких формах союзов [Слюсар, 2006]. За последние годы доля детей, рожденных женщинами, не пребывающими в зарегистрированном браке, в Украине превысила 1/5 всех рождений, в то время как на рубеже 1980-1990-х гг. она составляла 1/10 часть [Шлюб..., 2008: 35-36].

Происходит дальнейшее изменение моделей родительства. Среди мам с детьми 81% отметили, что рождение их последнего ребенка было запланированным [Шлюб..., 2008: 118]. Следствием рефлексивности родительства является его отложенный характер: в середине 1990-х гг. 84% новорожденных родилось у матерей в возрасте 15-29 лет, в 2007 г. - 76,8% [Населення України..., 2008: 103]. Происходит отделение родительства от института брака, растёт терпимость к сознательной бездетности; каждый пятый респондент в Украине на вопрос, считает ли он оправданным сознательный отказ репродуктивно здоровых пар от рождения

детей, дал положительный ответ. При этом в группе респондентов 15-19 лет доля тех, кто оправдывает отказ от рождения ребёнка, была большей, чем в других возрастных группах [Населения Украины..., 2008: 103]. Изменяются и репродуктивные установки. Представления женщин об идеальном количестве детей в семье за последние четыре десятилетия сместились в направлении от 2-3 детей до 1-2 [Шлюб..., 2008: 22].

Переход от унифицированной модели к плюралистическим моделям семьи. За период 1979-1989 гг. доля “неполных” семей¹ в целом по Украине выросла с 12,8% до 13,5%. А на момент переписи 2001 г. доля таких семей составляла 17,1%. Согласно данным выборочных обследований, в 2008 г. доля домохозяйств с детьми, которые не имеют одного или обоих родителей, составляла 19,4% [Сім'я та сімейні відносини..., 2009: 22-23].

Отмеченные тенденции сопровождаются противоречием между процессами деинституционализации семейных отношений и государственной политикой институционализации семьи [Beck, Beck-Gernsheim, 2002; Шпаковская, 2012]. Следствием становится столкновение политического и частного в сфере демографической и семейной политики, характерное в разной степени для постсоветских стран. Положение семьи, очевидно, является политическим вопросом [Чернова, 2013 а]. Национальной проблемой становится снижение рождаемости. Связь между национальным и демографическим дискурсами хорошо известна: рождаемость рассматривается как основа биологического и символического воспроизводства нации, а снижение рождаемости и депопуляция - как важнейшие проблемы, определяющие ее будущее.

Краеугольным камнем государственного дискурса семьи в современной Украине является призыв к возврату к “национальным традициям” как основе национального и духовного возрождения, демографического роста и социального благополучия. Эту риторику можно назвать неотрадиционалистской, её специфика состоит в тесном переплетении демографического и национального дискурсов и реконструкции соот- [стр. 98-99] ветствующих культурных мифов, обосновывающих уникальность украинской нации [Журженко, 2004].

Неотрадиционалистская риторика является консолидирующим элементом государственного, религиозного и демографического дискурсов семьи в Украине. В границах этой риторики происходит абсолютизация и идеализация семьи с опорой на универсальную её модель, дифференциация “нормальных” и “девиантных” семей. Семья, состоящая из двух родителей с детьми, рассматривается как единственный вариант нормы, в то время как монородительские (как правило, материнские) или бездетные семьи подвергаются сомнению и или отвергаются.

Основой государственной неотрадиционалистской риторики является необходимость стимулирования репродуктивной функции и преодоление алармистских настроений вокруг снижения рождаемости. При этом “возврат к традициям” рассматривается как средство улучшения демографической ситуации. В “Стратегии демографического развития до 2015 г.” отмечено: “Целью Стратегии является улучшение качественных характеристик жизни населения и гармонизация процессов его воспроизводства на основе возрождения духовности украинской нации и национальных традиций, восстановление семейных ценностей, обеспечение морального здоровья семьи, воспитание осознанного родительства и предотвращение социального сиротства” [Стратея..., 2006].

У социологов и демографов подобные призывы вызывают недоумение, поскольку современное состояние рождаемости является следствием глубоких исторических процессов модернизации семьи в связи с переходом от доиндустриальной к индустриальной стадии развития. Снижение рождаемости рассматривается как историческое, объективное и необратимое явление, за которым стоят как социально-экономическая модернизация, так и коренные изменения в ценностных ориентациях людей [Голод, 2008; Van de Kaa, 2003].

Пронаталистская и/или семейная политика: украинский вариант. Семейная политика в Украине фактически подменена политикой пронаталистской. Проанаталистский и консервативный характер семейной политики является общим для Украины, России [Журженко, 2004; Чернова, Шпаковская, 2010; Печерская, 2012; Чернова, 2010, 201 За,Б] и Белоруссии [Щурко, 2012], где чрезвычайно распространены алармистские настроения в отношении низкой рождаемости и меры по стимулированию репродуктивной функции.

В Украине весомая материальная помощь, по рождению ребенка была введена с 2005 г. Какова же эффективность монетарного стимулирования рождаемости? Многочисленные исследования о влиянии мер демографической политики на рождаемость свидетельствуют об отсутствии линейной связи. Высокий уровень рождаемости во Франции обычно объясняют воздействием мер государственной семейной политики, в то же время Великобритания всегда находилась в числе стран с минимальной поддержкой семьи, а уровень рождаемости здесь близок к Франции [Кайлова, 2004: 53]. Отсутствует также прямая связь между уровнем

---

¹Автор является сторонницей использования другого - дестигматизирующего термина - “монородительские” семьи.

рождаемости и вовлечённостью женщин в сферу оплачиваемой занятости. Например, в Швеции достаточно высокий уровень рождаемости сопряжен с высоким уровнем женской занятости, в том числе матерей с детьми [Апхо, Bosch..., 20010: 30].

Демографы отмечают, что политические меры, от которых ожидают продолжительного эффекта, в действительности стимулируют лишь конъюнктурную реакцию. То есть рождаемость повышается лишь на протяжении нескольких лет, при этом суммарные показатели рождаемости в реальных поколениях практически не изменяются [Шлюб..., 2008: 200; Думанська, 2013].

Эффективность монетарного стимулирования рождаемости снижается во времени: на протяжении последних семи лет государственные расходы на одного ребенка увеличились в Украине в 6 раз, а как суммарный коэффициент рождаемости возрос лишь на 20%, при этом на его рост воздействовали и другие факторы. Установлено, что рождаемость активизировалась не только в результате весомой одноразовой помощи, а и за счет реализации ранее отложенных рождений, улучшения социально-экономических условий жизни населения и других факторов [Думанська, 2013: 34]. Стоит отметить также, что после 2000 г. повышение рождаемости происходило во всех странах Европы, что говорит о наличии определенных общеевропейских факторов влияния [Крі Мер, 2013: 39]. Таким образом, можно говорить лишь о некотором воздействии мер демографической политики на процессы рождаемости. [стр. 99-100]

Более важным является оценка влияния программ поддержки семьи на качество жизни [Кайлова, 2004: 65], поскольку изменение демографических показателей не является целью семейной политики [Козлов, 2010: 17]. Комплексные обследования уровня потребления домохозяйств с детьми, проведенные в 2010 г. Институтом демографии и социальных исследований НАН Украины, демонстрируют значительное экономическое неравенство домохозяйств с детьми и без детей. В домохозяйствах с детьми уровень потребления всех групп продуктов потребления является ниже, чем в домохозяйствах без детей [Нерівні можливості..., 2011: 10-11].

Будущие матери и дети до 3-х летнего возраста в Украине действительно являются объектом усиленного внимания государства. Система работы родильных домов и качество акушерско-гинекологической помощи за последние 10 лет существенно улучшились и приблизились к европейским стандартам. Но реального улучшения положения семей с детьми по мере их взросления не происходит: огромные очереди в детских поликлиниках, плохие условия в детских больницах, метафоричность “бесплатной” медицинской помощи, переполненные группы в детских садах - все эти проблемы остаются пока нерешенными.

Одна из важнейших проблем - баланс семьи и работы - мало обсуждается в украинской социальной политике и академических исследованиях. В “Государственной целевой социальной программе поддержки семьи до 2016 г.” одним из путей развития семейной политики провозглашается “создание условий для формирования семьи, ориентированной на рождение и воспитание двух или больше детей, способной самостоятельно решать проблемы, обеспечивать собственное развитие, принимать активное участие в жизни общества, воспитывать ответственных граждан”. При этом ни один из пунктов программы не связан с проблемой баланса семьи и работы. “Создание условий для семей” связывается с внедрением педагогических технологий по формированию ответственного родительства, с проведением информационно-просветительских и рекламных кампаний, направленных на повышение престижности семьи, многодетности и ответственного родительства: с подготовкой молодежи к супружеской жизни, повышением уровня ответственности родителей за содержание, воспитание и развитие детей, их жизнь и здоровье; обучением специалистов по вопросам подготовки беременных женщин к рождению и развитию ребенка раннего возраста.

Проблема баланса семьи и работы исключена из академических исследований семейной политики и предложений по её совершенствованию. В монографии “Молодежная семейная политика в Украине” актуализируется проблема реализации воспитательной функции работающими родителями, но при этом в качестве мер по её решению предлагается издание массовыми тиражами книг о воспитании детей, запрет на распространение продукции, пропагандирующей порнографию, насилие и жестокость, формирование комиссий по защите прав несовершеннолетних [Нечипоренко, 2011:165-166].

Проблема профессиональной занятости и материнства эпизодически появляется в государственных документах и риторике чиновников, но зачастую в дискурсе женской вины за демографический спад. В “Стратегии демографического развития до 2015 г.” отмечено: “Процесс снижения рождаемости имеет глобальный характер и обусловлен целым рядом причин - экономических, социальных, психологических, биологических. Это, прежде всего (выделено нами. - Е.С.) изменения в социальном статусе женщины, расширение сферы ее в несемейных интересах, повышение уровня образования и занятости” [Стратея...,

2006]. Нежелание женщин исполнять свой “демографический долг” рассматривается также как повод “наказать” их повышением пенсионного возраста: “У нас женщины не хотят рожать. Нация, которая не рождает детей, должна работать больше”, - заявил директор департамента пенсионного обеспечения Пенсионного фонда Украины В. Машкин при обсуждении пенсионной реформы и повышения пенсионного возраста для женщин.

При этом в 2010 г. на 1273 тыс. детей, которые посещали детские дошкольные учреждения, приходилось 1136 мест, т.е. на 112 детей -100 мест. По сравнению с 2000 г. численность детей в дошкольных учреждениях выросла на 29,5%, а количество мест за этот же период - на 1,7% [Нерівні можливості..., 2011: 17]. Количество детей в группе детского сада - 30 человек. Функция детского сада сводится к присмотру за детьми, образовательная функция реализуется весьма слабо, дети в переполненных группах чаще болеют, что обостряет напряженность работающих матерей. На начало [стр. 100-101] 2013-2014 уч. гг. в школах г. Полтава только 25% учеников были обеспечены местами в группах продленного дня в начальной школе.

Наряду с низкой институциональной поддержкой работающих родителей, проблемно и равное участие матери и отца в заботе о детях. Несмотря на активизацию государственного и общественного внимания к формированию ответственного и вовлеченного отцовства, многие законодательные акты и региональные программы возлагают функцию воспитания исключительно на женщину, отец исключен из субъектов заботы². “Стратегия демографического развития” предполагает внесение изменений в законодательство о труде относительно возможностей для женщин (курсив мой - Е.С.), которые имеют детей, выбирать удобный для них график работы. Речь идет не о создании благоприятных условий для совмещения профессиональной занятости для родителей, а о закреплении исключительно за женщиной традиционной гендерной роли, что закрепляет гендерное неравенство на рынке труда. Аналогичным образом интерпретируется символическое значение “материнского капитала” в России, введение которого воспроизводит дискурс исключительно материнской ответственности за детей [Печерская, 2012: 330]. В ситуации отсутствия механизма установления баланса ролей женщины находятся в ситуации жесткого выбора между работой и материнством [Чернова, 2013: 34], что является вполне справедливым для Украины.

Выводы. Процессы индивидуализации семьи и плюрализации её форм требуют пересмотра направлений и содержания семейной политики. Семейная политика в Украине остаётся преимущественно пронаталистской и мало влияет как на качество жизни семей с детьми, так и на возможности совмещения профессиональных и родительских ролей. Одним из факторов подобной неадекватности реальным по потребностям семей является ориентация государственных программ на традиционную семейную модель и доминирование традиционалистских установок в интерпретации современных социально-демографических процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: “Логос”, 2002.
2. Гидденс Э. Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004.
3. Голод С.И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 40-50.
4. Думанська В.П. Монетарний пронаталізм: оцінка ефективності// Демографія та соціальна економіка. 2013. № 1(19).
5. Журженко Т. Старая идеология новой семьи: демографический национализм России и Украины // Семейные узы: модели для сборки: Сб. статей. Кн. 2/Сост. и редактор С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
6. Кайлова О.В. Подходы к оценке эффективности семейной политики // Семейная политика в странах Европейского Союза (социально-демографические аспекты). Дисс. канд. эк. наук. Москва, 2004.
7. Козлов В.А. Институциональный подход к разработке семейной политики. М.: Институт экономики РАН, 2010.
8. Крімер Б.О. Демографічні результати запровадження допомоги при народженні дитини // Демографія та соціальна економіка. 2013. № 1(19).
9. Населення України. Народжують в Україні в контексті суспільно-трансформаційних перетворень / інститут демографії та соціальних досліджень НАН України, Державний комітет статистики України. К.: Адеф-Україна, 2008.
10. Нерівні можливості дітей в Україні аналіз та рекомендації для політики / інститут демографії та соціальних досліджень НАН України, Дитячий Фонд ООН (Юньюеф), Український Центр соціальних реформ. К.:

²Исключение составляет одинокий отец. С 2013 г. одинокие матери, и одинокие отцы уравнены в жилищных и трудовых правах.

Видавництво “К.І.С”, 2011.

11. Нечипоренко С.В. Молоджна політика в Україні. Монографія. Умань: Видавець “Сочінський”, 2011.
12. Печерская Н.В. Мифология родительства: анализ дискурсивного производства идеальной семьи // Журнал исследований социальной политики. 2012. Том 10. № 3.
13. Сім'я та сімейні відносини в Україні: сучасний стан та тенденції розвитку / інститут демографії та соціальних досліджень НАН України. К.: ТОВ “Основа-Принт”, 2009.
14. Слюсар Л.И. Брачная и небрачная рождаемость на Украине в контексте европейского демографического развития // Демоскоп Weekly. 2006. № 229-230. [стр. 101-102]
15. тратея демографічного розвитку в період до 2015 року. Затверджено постановок) КМУ Віл 24 червня 2006 року. URL: <http://zakon.rada.gov.ua>. (дата обращения: 16.09.2013).
16. Чернова Ж. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
17. Чернова Ж., Шпаковская Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство, родительство. Дис курсивные предписания и практики в современной России // Laboratoruim. 2010. № 3.
18. Чернова Ж.В. “Демографический резерв”: молодая семья как объект государственной политики // Женщина в российском обществе. 2010. № 1(54).
19. Чернова Ж.В. Гендерный анализ семейной политики в современной России: особенности и тенденции: автореферат дисс. докт. соц. наук. Саратов, 2013.
20. Шлюб, сім'я та дітородні орієнтації в Україні / інститут демографії та соціальних досліджень НАН України, Український центр соціальних реформ. К.: АДЕФ-Україна, 2008.
21. Шпаковская Л. Л. Политика институционализации и практики приватизации семейной жизни: партнерство и брак в России // Журнал исследований социальной политики. 2012. Том 10. № 3.
22. Щурко Т. “Материнство”: между государственной идеологией и реальностью / “Наше мнение”. Экспертное сообществе Беларуси. URL <http://nmnby.eu/news/analytics/4848.html> (дата обращения: 12.09.2013).
23. Апхо D., Bosch G., Rubery G. Shaping the life course: a European perspective // the welfare State and Life Transitions: a European Perspective. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2010.
24. Beck U, Beck-Gernsheim E. Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences. London: Sage, 2002.
25. Lesthaeghe R., Surkyn J. When history moves on: the Foundation and Diffusion of a Second Demographic Transition / Seminar on Ideational Perspectives on International Family Change, Population Studies Center, Institute for Social Research (ISR), University of Michigan, June 2004, Vrije Universities, Brussels. URL: http://sdt.psc.isr.umich.edu/pubs/online/WhenHistoryMovesOn_final.pdf (дата обращения: 03.09.2013).
26. Van de Kaa Dirk J. The idea of a second demographic transition in industrialized countries. URL: http://www.ipss.go.jp/webjad/webjournal.files/population/2003_4/kaa.pdf (дата обращения: 12.09.2013). [стр. 102]